

НАША СТРАНА

Год издания—45-ый. Буэнос Айрес, суббота 14 ноября 1992 "NUESTRO PAIS" Buenos Aires, sábado 14 de noviembre de 1992 № 2206

Н. Федоренко

ДИАГНОЗ КАТАСТРОФЫ

Сегодняшнее положение в России характеризуется невероятной сложностью, которая определяется в основном многочисленными и многогранными последствиями двух эпохальных исторических событий: насильственного уничтожения Государства Российского и тотального провала в ней тоталитарной системы.

Уничтожение Государства Российского было задумано и осуществлено в двух этапах: предварительного (керенщины) и завершительного (ленинщины). Однако, уничтожение нашего исторического государства и его общественного строя не повлекло за собой немедленного уничтожения всех духовных, нравственных, культурных и материальных богатств, собранных Россией за свое тысячелетнее существование. Именно за счет накопленных в нашей стране капиталов и паразитировала над ней до поры до времени сама тоталитарная система. Это паразитирование неминуемо привело к **тотальному истощению** этих богатств, что не только вызвало коллапс системы, но продолжает довлеть и над пост-тоталитарной ситуацией.

Катастрофические последствия уничтожения Государства Российского и последующего истощения его богатств, можно резюмировать следующим образом:

1. **Геноцид** над лучшей третью нашего народа, по словам В. А. Солоухина. Этот геноцид измеряется просто: приблизительно по миллиону человек за каждый год системы, что количественно ставит его на первое место в ряду всех геноцидов этого века (над армянами, евреями, цыганами, сербами).

2. Систематическая социальная **антиселекция**, в течение нескольких поколений.

3. В результате этих двух процессов, радикальная **ликвидация** не только всех **хозяев** в стране, но и **хозяйского духа** в значительных частях ее населения, при параллельной ферментации бюрократии.

4. Расстрата, расхищение, истощение и даже **уничтожение всех богатств** страны, как природных, так и созданных гением нашего народа. Например, по некоторым данным промелькнувшим в печати, больше 80 процентов православных икон имевшихся в России к началу Катастрофы, было или уничтожено, или вывезено за границу. В не меньшей мере бесследно исчезли из страны и другие богатства, как, например, ее золотые и алмазные запасы.

5. **Экологическая катастрофа**. Загрязнение среды проводилось систематически, особенно после начала коллективизации и социалистической плановой "индустриализации". Не только радиация, от испытаний ядерного оружия и от безответственной стройки атомных электростанций, но и химическое загрязнение воздуха, почвы и вод, ведут неумолимо к вырождению значительных пластов народов России, главным образом великороссов, белорусов и украинцев.

К этим вкратце перечисленным главным последствиям уничтожения нашего исторического государства, необходимо добавить и прямые последствия последующего краха системы:

1. **Расщепление страны**, с возведением искусственных внутренних границ, нарушающих нормальную культурную и экономическую связь, но отнюдь не предохраняющих от разлива гражданской междоусобицы, мафиозной уголовщины и совместно творимой инфляции. Если сегодня проследить на карте, как декретировались в свое время диктатурой эти границы (например Лениным и Сталиным на Кавказе, а затем Сталиным в Бессарабии и Буковине), то становится очевидным, что это **расщепление было запланировано давно**. Может быть, еще со времен контактов Ленина с австро-венгерскими, а затем и германскими властями.

2. Искусственно созданные системой монопольные концентрации отдельных секторов производства в географически отдаленных друг от друга зонах, при расщеплении страны обратились в дополнительную причину общего **экономического развала и хаоса**.

3. Фрагментация тоталитаризма и последовавшие за ней разнообразные мимикрии повлекли за собой общую смуту. Тоталитарный строй надорвался, а затем лопнул, треснул, сломался. Вместо тотальной глыбы, остались обломки, фрагменты этой глыбы. Колоссальная льдина раскололась на несколько средних и маленьких льдин. Некоторые обломки этого строя плывут в прежнем направлении всей льдины, остальные плывут в разные стороны. Но, натура (натуро) у фрагментов режима осталась та же самая. Они дегенерировали в **удельные диктатуры, с ностальгией о тотальности**. Некоторые главаря этих обломков тем временем развязали между собой жестокую междоусобную войну, одновременно прикрываясь новой терминологией (шовинистической или демократической). Все это и содействует **тотальной смуте**, пришедшей на смену тотальной диктатуре.

Все эти последствия уничтожения Государства Российского и последствия краха тоталитарной системы (но пока что еще отнюдь не краха удельных диктатур над ее обломками), усугубляются сегодня еще новыми дополнительными отрицательными явлениями. В первую очередь, это отсутствие правильных энергичных реформ, вместо которых зачастую проводятся или половинчатые меры, или правильные как-будто, но полностью искаженные меры, или даже совершенно неправильные меры. Однако, несмотря на это, в стране продолжают неумолимо развиваться объективные общественные процессы, которые могут быть так или иначе заторможены, искажены или извращены, но никак не могут быть обращены вспять.

В результате всего этого, сегодня в стране можно наблюдать следующие сложные переплетения:

1. Перестройка тоталитаризма (затаянная им же самим) не смогла предотвратить его коллапс, но смогла предотвратить полную потерю власти и привилегий значительных пластов номенклатуры. Перестройка, в основном, обернулась **перестройкой надстройки**. Это выражается и в сегодняшних формальных структурах режима. Например, перманентная перестройка фракций и блоков в парламентских учреждениях на самом деле является лишь внутренней перетасовкой в среде представителей, "выбранных" еще при тоталитарном строе, в общих рамках сегодня уже несуществующего государства. Подобная ситуация наблюдается и в так называемой "судебной власти".

2. Народная стихия, прорывающаяся сквозь щели между раскалывающимися фрагментами тоталитаризма, до сих пор не смогла окончательно пробиться ни на политическом, ни на экономическом фронте, из-за **арьергардных маневров** режима. Однако, эта снова поднимающаяся народная стихия относится к тем объективным историческим процессам, которые уже никак нельзя остановить, хотя и можно тормозить или, в той или иной мере, исказить. На это последнее и направлены сегодня все усилия режима. Например, в экономической области, сегодня на территории так называемой "Российской Федерации" по некоторым подсчетам уже около десяти миллионов человек живут и работают в рамках (тоже так называемого) частного "бизнеса". Таким образом, они не только уже не зависят прямо от государственных экономических структур, но также и никоим образом не желают возврата к прежней ситуации.

3. Именно страх режима перед стихийным разливом этих процессов заставляет его саботировать их всеми способами. Главным образом путем **отказа введения "де юре" частной собственности**, в первую очередь **крестьянской частной собственности**. Таким образом, появляется частная собственность только лишь "де факто", но не "де юре", что вредит установлению правовой стабильности и увеличению экономической производительности. Но, кроме того, это способствует зарождению и росту даже не просто "теневой" экономики, но прямо **мафиозных экономических структур**.

4. В результате всего этого, режим не только подрывает под собой ту единственную ветку, на которой он смог бы некоторое время посидеть (может быть даже до ухода на пенсию его оставшихся главарей), но и теряет его сегодня некоторые значительные свои компоненты. Например, мощный аппарат номенклатуры, в свое время разочарованный нежеланием Горбачева отказаться от оков уже ненужной идеологии и от отживших форм партийного управления страной, сегодня получил возможность **теневого частного фантастического обогащения за счет общенародного обеднения**. Именно терпимая част-

ная собственность "де факто", при отсутствии частной собственности "де юре", ведет к коррупции, размах которой поражает даже привыкших ко многому граждан бывшего СССР. Кроме того, такое извращение стремления к частной собственности автоматически ведет к ее дискредитации. Иррациональные (и даже абсурдные) **методы**, которыми режим проводит так называемую "приватизацию", закрепляют за секторами номенклатуры ее реальные привилегии, под другим соусом. Однако, именно поэтому значительные пласты этой номенклатуры сегодня уже в состоянии образовывать "альянсы" и с **другими факторами**, действующими в сегодняшнем обществе, помимо главарей режима. И делать лучшие свои "бизнесы" без помощи "госзаказов".

5. Этим самым режим также ставит еще слабый зарождающийся частный сектор в тяжелое положение. Ему приходится или конкурировать и с мафией и с номенклатурой или становиться их сообщником. Кроме того, **иррациональная налоговая политика** правительства, направленная на латание бюджетных дыр за счет зарождающихся частных структур, не только обрекает многие интересные инициативы на провал, но и тормозит общую производительность, увеличивает инфляцию и предрасполагает к росту теневой и мафиозной экономики. (Например, размер налога на добавляемую стоимость превышает больше чем в сто процентов размеры этого налога в других странах).

6. Режим просто не понимает закономерностей экономики и, в частности, инфляции. До социализма было три способа финансировать расходы государства: налоги, кредиты и фальсификация сплыва металлических денег или выпуск бумажных. (Последнее было, правда, тоже косвенным налогом, через инфляцию). Социализм же придумал четвертый способ: стал присваивать (реквизировать) себе всю продукцию товаров и услуг, а затем перепродавать их по сильно повышенным ценам самим же производителям, **присваивая себе разницу**. Без **тотальной монополии на всю продукцию страны**, социализм не может содержать свою колоссальную бюрократию, и поэтому теперь должен прибегать к колоссальным эмиссиям, что автоматически ведет к галопирующей инфляции и к колоссальным девальвациям. (Именно эмиссия бумажных денег порождает инфляцию, а не освобождение цен). Таким образом, "монетаристская" программа Гайдара превратилась в свою противоположность, как и агитировавшаяся "столыпинская" политика Ельцина.

В заключение, необходимо снова повторить: только глобальный, интегральный и рациональный подбор подлинных и цельных реформ, в согласии с тысячелетним опытом нашей истории и в согласии с действительными нуждами нашего народа, может спасти нашу страну и вывести ее из Катастрофы.

Н. Федоренко

Владимир Рудинский

Заметки на полях

ОБЩИЕ СООБРАЖЕНИЯ

Статья В. Бондаренко „Архипелаг ди-пи“, в „Русской Жизни“ от 15 августа с. г. заслуживает, в целом, самой высокой оценки.

Намерение нарушить молчание о второй эмиграции, прочно установленное не только большевиками, но и третьей волной, — впрочем, идущей в этом по следам иностранной прессы, — оно, конечно, очень похвальное. И кроме того, — в высшей степени перспективное. До сих пор все, касающееся новой эмиграции, покинувшей СССР в процессе и после Второй Мировой войны, когда опубликованное, — было рассеяно по отдельным статьям, главным образом в русских зарубежных газетах; а если в книгах, то, как правило, лишь относящееся к отдельным, определенным вопросам: о выдачах большевикам, о вкладе в литературу, о положении и устройстве в той или иной стране. Собрать такие материалы в исчерпывающее, — хотя бы и относительно, — исследование явилось бы нелегкой, но и весьма благодарной работой. Выполнить которую, вероятно, одному человеку не под силу; тут понадобились бы труды целой группы лиц.

Тем более, что в данной сфере имеется множество разных планов и аспектов. Назовем лишь несколько: возникновение и пути в различные государства; отношения с властями и с русской эмиграцией там; выдачи и расправы и бегство от них; деятельность в области литературы, публицистики и науки; политические настроения и участие в соответствующих организациях и группировках; судьбы наиболее выдающихся людей; национальный состав, — и ряд других проблем.

Важно только, чтобы обобщающие работы велись *беспристрастно, sine ira et studio*, а отнюдь не с точки зрения одной какой-либо партии, будь то КПСС или НТС. Иначе они получатся бесполезными, а то и вредными. Отметим, что то немногое, что было о второй волне опубликовано за последнее время в СССР, полно лживых недомолвок и прямого искажения правды. Например, говоря о писателях и поэтах из нашей среды, дело изображается так, будто они чисто случайно оказались за границей и не могли вернуться на родину, а в душе мол никогда не были против советской власти. И это даже о таких на 100 процентов антикоммунистически настроенных авторах как И. Елагин! А уж о тех, кто служил в РОА или в других антибольшевицких подразделениях, — если о них нельзя вовсе умолчать, то на весь период их активности во время войны напускается густой туман.

О СОХРАНЕНИИ ТАЙНЫ

Не совсем верно (как представляет себе В. Бондаренко), будто Запад с самого начала хранил тайну о выдачах. В первые послевоенные годы американская, в частности, печать со зловонным ликованием рассказывала про то, как расправлялись со власовцами, не желавшими попасть в руки чекистов (в Кемптене, Дахау и т. д.). Изображение этих „потерявших человеческий облик животных“, кончавших с собою, чтобы уйти из лап палачей, вызвали живые возражения со стороны старых эмигрантов. На которые, понятно, Соединенным Штатам было абсолютно наплевать. Тем не менее, в дальней-

шем, по соображениям, о каких мы можем только гадать, западная пресса о выдачах рассказывать перестала. Мы о них знали в подробностях из русских эмигрантских печатных органов, которым скрывать было нечего.

Некоторый просвет наступил только с началом „холодной войны“. Правда, и тут американцы попытались устроить гадость. Они попробовали сделать ставку на особую группу, выделив в нее так называемых „послевоенных эмигрантов“, дезертировавших из советских оккупационных войск в Германии, бежавших из советских посольств и т. п. Но разница между подобными людьми и нами, по житейскому опыту, по взглядам и устремлениям, по бытовым привычкам, была слишком мала, да и число их чересчур незначительно. Кончилось тем, что они с нами слились в одно целое.

В остальном, в этот короткий период американцы и шедшие у них на поводу их союзники на нас перестали смотреть как на преступников; появилась возможность для желающих эмигрировать в США или устроиться на работу в американских учреждениях в Европе, а главное — кое-что рассказать о прошлом.

Увы! с момента, когда „свободный мир“ стал играть в „разрядку“ произошло закономерное „возвращение ветра на круги своя“.

КТО НАМ ПОМОГАЛ?

Очень удивляют под пером Бондаренко ссылки на Бунина, якобы выступавшего в пользу новых эмигрантов! Никогда ни о чем подобном не слышал... Художественный талант Бунина и его заслуга перед Россией, в качестве автора „Окаянных дней“, своим чередом, но...

Напротив, как факт, Бунин резко выступал против „всяких ди-пи“ (он как раз нас так и именовал), которых он особенно ненавидел за то, что они пишут по новой орфографии, а не по старой (он этому пункту придавал огромное значение).

Из его опубликованной позже переписки с Зайцевым видно, что он даже возражал против приема ди-пи в эмигрантский Союз Писателей. Причем, видимо, имел даже в виду лично меня; мне довелось сыграть в этом деле роль первой ласточки. Принятый, по рекомендации Гуля и Мельгунова, в состав Союза, я на первом же собрании (очень большом и шумном) присутствовал при следующей, врезавшейся мне в память, сцене. Бунин сам не пришел, но прислал жену и секретаря, Зурова, которые протестовали против исключения из Союза советских патриотов и покинули зал в знак неодобрения. Так что его симпатии в тот момент лежали, очевидно, совсем в иной плоскости.

Совпаториотов все же исключили, несмотря на выступления в их защиту Г. Адамовича и некоего Сирина (которого не должно путать с Набоковым). О деятельности перекинувшихся на сторону большевизма старых эмигрантов по выявлению и истреблению новых, Бондаренко со знанием дела упоминает, указывая даже точно тариф, по которому советская репатриационная миссия оплачивала их услуги.

Не помню и каких-либо выступлений в нашу пользу Зайцева. Он, по своему характеру, скорее избегал острых конфликтов, без крайней для себя надобности.

Что до Шмелева, который, возможно, нам и сочувствовал, он сам находился в те дни в неустойчивом, траги-

ческом положении, травимый левыми за приписываемую ему (совершенно притом ложно!) коллаборацию с немцами. Как бы он мог нам помочь?

Относительно о. И. Шаховского, понятно, что он не исполнил пожелания гестапо не пускать в русскую церковь в Берлине остовцев (именно так их порусски называли, а не уродливым заимствованием *остарбайтеры*). Ему бы его церковное начальство не позволило, да и прихожане возмутились бы. Впрочем, немцы повидимому не очень и настаивали. Неверно, кстати, что это была его первая встреча с подсоветскими. Во время войны в Испании, он ездил туда (на стороне Франко, что делает ему честь) и беседовал с военнопленными из числа советских военных (о чем написал и издал потом брошюру).

Удивляет меня и упоминание о Ф. Степуне. Что о нем известно, это следующий эпизод: увидев в Германии пришедших в церковь помолиться солдат РОА, он стал их распекал: как мол им не стыдно воевать против родины? На что власовский унтер-офицер ему ответил: „Сталин у нас родину давно отнял“. И, согласно легенде, похлопав себя сперва по заду, а потом по лбу, добавил: „А у тебя, папаша, видать, что тут, то и тут!“

Мог ли человек с такими взглядами нам сочувствовать? Если он даже и впрямь кому-то помогал, то должно быть — с презрением и отвращением.

Кто действительно активно выступал в защиту новых эмигрантов, это Мельгунов и Гуль. Первый из них создал целый комитет по оказанию нашему брату материальной помощи (туда вошли, в числе других, его жена, И. Херасков, М. Иорданская).

Отвлекаясь несколько в сторону, хочу с благодарностью помянуть двух больших (и весьма между собою разных) русских писателей, проявивших ко мне лично доброту и внимание. И. Д. Сургучев посоветовал мне однажды составить сборник рассказов, обещая уговорить русского миллионера Гукасова, к которому он был вхож, финансировать их издание. К несчастью, прежде чем я успел книгу подготовить, Сургучев захворал и умер. На этом все и сорвалось. М. А. Алданов, после того, как я в газетной статье коснулся его творчества, прислал мне милое и любезное письмо (которое по сей час сохраняю) с лестным, — вероятно и чрезмерно, — отзывом о моих литературных способностях.

ПИСЬМО ВИНОГРАДОВОЙ

Относительно письма, полученного В. Бондаренко от Н. Виноградовой из США, надо с ним согласиться, что вторая эмиграция состояла, помимо власовцев и казаков (и бойцов различных национальных легионов) из народной массы крестьян, рабочих, интеллигенции и представителей всех слоев общества, хлебнувших досыта советского строя и устремившихся, при отступлении немцев, вместе с нами на запад.

Этот процесс очень хорошо описан в романе польского писателя Ю. Мацкевича „Об этом не надо говорить вслух“ (который очень бы не мешало издать по-русски!).

ПРИЗЫВЫ К ОТВАГЕ

Несколько фальшиво звучат настоячивые требования В. Бондаренко к новым эмигрантам бесстрашно рассказывать о себе, раскрывать псевдонимы (свои и чужие?), резать правду-матку перед всем светом. Может создаться впечатление, что он думает, будто выдачи и расправы над нами имели место исключительно сразу пос-

ле войны. Но нет; вот он сам уточняет: „Покол-ния... презираемого долгие годы ситым Западом за якобы коллаборационизм, выдаваемого по первому требованию большевицким властям, до самого последнего времени, изгоняемого из американских университетов по сфабрикованным донесениям КГБ“.

И это еще некоторого рода *understatement*. Именно в совсем недавние годы темп выдач крайнее ожесточился: стали выдавать балтийцев, западных белоруссов и украинцев, и других, которых даже в эпоху ялтинских договоров не трогали. Румынский архиепископ В. Трифа принужден был бежать из США в Португалию, латыш Майковский — укрыться в Германии. О судьбе В. Самарина говорит сам В. Бондаренко. Ему бы почитать торонтскую газету „Беларускі Голас“. В ней рассказывается подробно о подготовке массовых выдач белоруссов в Соединенных Штатах, в Канаде, в Австралии.

Был выдан эстонец Линнас. Чекисты с ним так торопились, что он и нескольких суток не прожил, оказавшись в их власти...

Пример того, сколь разумна для нас осторожность, — калмык Е. Лукьянов, поехавший туристом, уповая на принятое им бельгийское подданство, в СССР. Его там посадили сперва в сумасшедший дом, а потом расстреляли. Латинская поговорка „Non bis in idem“ для большевиков силы не имеет...

Так что — стоит ли нам быть очень-то уже храбрыми? Я бы никому не посоветовал.

Оно, конечно, теперь в моде прилагать в разных случаях (ко книгам, статьям и пр.) автобиографии. Но мне, например, даже беглый взгляд показывает, что часто в таких справках зияют пробелы, — особенно касательно эпохи Второй Мировой.

Я потому считаю себя в праве рекомендовать собратьям по несчастью умеренность в откровенности, что сам-то как раз трусостью не страдал, и в самые опасные дни активно против большевиков выступал, в печати, с трибуны, в частных разговорах, в форме участия в антикоммунистических организациях и т. д.

Позволю себе отступление *pro domo sua*. В те годы, первые после войны, один старый эмигрант в Париже, заинтересовавшись моими статьями, стал меня искать, и нашел русское общежитие, где я обитал, но не застал сперва меня дома. Разговаривая с консьержкой — русской дамой, тоже из первой эмиграции, — он спросил ее обо мне, не побоюсь ли я с ним встретиться? И та ему ответила, буквально: „О, он такой, что ничего не боится!“ Признаюсь, это для меня осталось самым лестным комплиментом, какой я за всю жизнь слышал!

Замечу, что бояться-то, как факт, очень было чего... Многие пошли тем путем, как студент Лапчинский, схваченный большевиками и канувший в неизвестность.

И вот, хотелось бы знать, отменены ли, прекращены ли сегодня выдачи? Или мы, и наши товарищи по несчастью, — будь то балтийцы, белоруссы, венгерцы, все равно, — ждут сейчас отправки в концлагерь? А мы ликуем и кричим, что мол опасность миновала... И то сказать: кому услужливые американцы выдают теперь эстонцев или латышей? Во всяком случае, нигде ведь не сообщалось, что преследования военных преступников кончены.

А в эту категорию можно без труда любого из нас записать. Техника тут простая. Кто оказался всерьез неудобен Советам, — на того готовится легенда. Фальсификаторы под рукой, и нужные документы, со всеми штампами, надписями и печатями сфабри-

ковать, для государства, — сущий пустяк.

Вон А. Делианич, долголетний редактор „Русской Жизни“, рассказала в своей книге „Вольфсберг“, как ее англичане арестовали после войны. Ей предъявили старую фотографию, где она в тире упражняется в стрельбе из пистолета. И сказали, что это она во Львове расстреливает евреев. Она смогла документально доказать, что во Львове вообще никогда не бывала; но ее так и держали в тюрьме. В конце концов, англичане ее передали в руки австрийцев, а те выпустили. Но она и была эмигранткой первой волны, за которой Запад все же кое-какие права признавал. Будь она из нашей эмиграции — так бы легко не выпуталась...

О МЕТОДЕ РАБОТЫ

Нельзя возражать против метода, принятого В. Бондаренко, сосредоточившим все свои усилия на писателях и поэтах новой эмиграции. При условии, что это — первые шаги, а потом он займется также, например, публицистами, журналистами, учеными и пр.

Надо иметь в виду, что многим даже не лишенным таланта литераторам удалось издать разве что один сборник рассказов или стихов; а иным пришлось и ограничиться только публикациями в периодической печати.

Между прочим, напрасно Бондаренко относит к нашей волне И. Чиннова; тот жил в независимой Латвии и под советское иго не попал, или разве что на короткий момент, так что его справедливо причислять ко старой эмиграции. Первая эмиграция в Прибалтике выдвинула немало одаренных писателей и поэтов, — в том числе И. Сабурову и В. Нарциссова. Но это — вовсе иной слой, чем наша, вторая.

Бондаренко почему-то считает, что мол поэты и писатели *ди-ли* (воспользуемся его терминологией) все вымерли. Сие не соответствует действительности. Перешли в иной мир, — что очень грустно, но не особенно удивительно, — те, кто попал за границу уже зрелыми, а то и не молодыми людьми как Д. Кленовский, В. Ширяев, Р. Березов, Л. Ржевский, Н. Нароков. Конечно, скончались некоторые и из более молодых, как И. Елагин, С. Максимов, О. Анстей. Но в целом младшее поколение отнюдь не сплоско сошло в могилу. Проглядим список ныне здравствующих поэтов, приложенный к антологии, выпущенной недавно В. Синкевич. Помимо самой Синкевич, тут фигурирует больше десятка живых поэтов, в том числе бесспорно талантливых, как О. Ильинский, Т. Фесенко, М. Кардиналовская. А можно бы такой же список составить и для прозаиков.

В массе, это люди, родившиеся в 20-е годы. То есть сверстники таких как И. Шафаревич, А. Синявский, В. Солоухин, А. Солженицын, — а тех кто же покамест списывает в расход?

ПОЛОЖЕНИЕ СЕЙЧАС.

Вопреки чрезвычайно настойчиво подчеркиваемому В. Бондаренко мнению, что роль новой эмиграции в общественной жизни закончилась, а равно и его представлению, будто новые эмигранты были так запуганы, что вообще не пытались выступать в печати, мы наблюдаем следующее:

В Германии выходит журнал „Голос Зарубежья“ под редакцией новой эмигрантки В. Пирожковой при постоянном сотрудничестве поэтессы И. Бушман и о. Д. Константинова (тоже из нашей волны). Хотя в журнале участвуют представители всех трех эмиграций, главной его движущей силой явля-

ется, как не раз отмечалось редакцией, именно вторая волна.

В той же Германии публикуется альманах „Вече“, где и редактор, О. Красовский, и лучшие сотрудники, как В. Вулич и Н. Кусаков принадлежат к нашей второй волне.

В органах солидаристов, „Грани“ и „Посев“, прежде вторая волна играла видную роль (А. Светланин был даже редактором „Посева“); но за последнее время она оттеснена или даже полностью вытеснена третьей волной.

Во Франции А. Николаев, бывший власовец, сын священника из Советского Союза, издает журнал „Заря“, опираясь на группу единомышленников из той же среды.

Даже в традиционно враждебной к новой эмиграции „Русской Мысли“ эпизодически выступали порою новые эмигранты.

В литературном толстом журнале „Возрождение“, пока он не закрылся, активно участвовали самые талантливые авторы второй волны, как покойные уже Н. Нароков, Г. Месняев, Б. Ширяев и ныне здравствующий Г. Климов (автор романов „Берлинский Кремль“, „Имя мое легион“ и „Князь Мира Сего“), а также более молодые как Е. Тарицына.

В бельгийском „Часовом“, вплоть до его исчезновения, писал новый эмигрант В. Ингул.

В США в „Русской Жизни“ пишут Р. Днепров и В. Завалишин, а в „Новом Русском Слове“ — уже упомянутый выше о. Д. Константинов.

В „Новом Журнале“ публиковались многие новоэмигрантские поэты, и посейчас — О. Ильинский, ставший притом одним из редакторов „Русского Возрождения“.

В выходившем в Канаде, но тоже прекратившемся „Современнике“, печатались поэты Е. Димер, С. Тол, Э. Боброва. Там же до недавнего времени выходил власовский журнал „Борьба“.

В „Нашей Стране“, в Аргентине сотрудничает В. Богдан, автор книг „Мимикрия в СССР“ и „Студенты первой пятилетки“.

Как видим, умирают скорее журналы, а не их сотрудники, в том числе и из новых эмигрантов!

Наконец, если мы выйдем за рамки русского языка, в „Белорусском Голосе“ в Торонто вся редакция состоит из новых эмигрантов, прибывших в Новый Свет после Второй Мировой войны (о чем сама газета сообщила).

Вероятно, и в прессе (да и в литературе) на других еще языках, как, скажем, на украинском и на армянском, тоже подвизалась и подвизается новая эмиграция.

Так что, в общем, вроде бы, не все мы еще вымерли, не всегда молчали, да и сейчас не молчим...

ЖИВ КУРИЛКА

Станным образом, Бондаренко повторяет старую мечту большевиков, о всей эмиграции, что мол (скоро, скоро...):

Род их сам собой переведется.

Чего на практике не происходит. Будь вымирание налицо, — для кого бы издавались по сей день за рубежом десятки газет и журналов? кто заполнял бы русские церкви (их, скажем, в одном Париже штук десять: а у других православных, как сербы, румыны, греки есть свои храмы)?

Чтобы такая надежда осуществилась, нужно бы, чтобы вся эмиграция выехала в одно время; и чтобы не имела потомства. На деле же основная масса врангелевских беженцев пополнилась струйками выслаемых, выезжающих с иностранными паспортами невозвращенцев; а потом новой волной,

власовцев, остовцев из спасавшегося от возвращающихся большевиков населения оккупированных частей России.

А дети, молодежь, частично денационализировались, но значительная часть оставались и остаются в орбите русского мира, в котором сейчас энергично действует уже второе и даже третье поколение.

И из третьей волны, хотя она и отмежевывалась, а известная часть составила нам ценное пополнение. Поэтому эмиграция может жить и дальше, многие годы. Если не произойдет радикальных перемен на родине (а их пока нет...)!

ДОМЫСЛЫ

В крайне несимпатичной статье в „Русской Жизни“, Р. Полчанинов старается зачем-то доказать, будто молодежь второй волны не связана со своим происхождением, которого она *де не подчеркивает*.

Не совсем ясно где, зачем и в каких формах она бы должна *подчеркивать*? Я знал десятки семей новых эмигрантов, с детьми самых разных возрастов. Все знали о своем происхождении и никто от него не отрекался.

В остальном, понятно, что родившиеся или по меньшей мере выросшие за границей молодые люди и девушки сливались более или менее в одну массу, независимо от того, когда их родители покинули родину, состоя в одних и тех же организациях, посещая одни и те же церкви и школы.

Политические взгляды, конечно, у них бывают разные, как были и у их родителей (и не всегда совпадающие со мнениями родителей).

Красные взгляды все же — крайняя редкость (если такое вообще бывает!). Но все это так или иначе, уже другой вопрос.

МЕМУАРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Увлекаясь этой последней, В. Бондаренко должен бы был обратить внимание на старье уже издания „Нашей Страны“ и на свежие публикации по инициативе А. Солженицына, в частности, на воспоминания о плене у немцев в последнюю войну.

Советовал бы ему также обратить внимание на воспоминания баронессы Мейендорф, самой настоящей новой эмигрантки, поскольку она, родившись в царское время и пережив трех царей, сполна хлебнула затем советского быта и выехала из СССР лишь во время Второй Мировой.

ТЕМНЫЕ ДЕЛА

Запад старался нас не видеть и о нас не слышать. Зато чекисты о нас не забывали и нас из поля зрения не теряли. Даже ограничиваясь узким участием литераторов, странные и загадочные истории не составляли редкости.

Писателя Михаила Бойкова видимо отравили. Другого, В. Ольшанского, похоже, что похитили. Чем объяснить возврат в СССР антикоммуниста и монархиста В. Каралина, — в голову не лезет. Но кто попал за Железный Занавес, от тех больше вестей не поступало; как от тех, кто пересек Ахерон на ладье Харона...

Единственное счастливое исключение — Ю. Слепухин, который не только уцелел, но и опубликовал в Советской России три превосходных романа (а может быть, и больше...), в которых, надо сказать, большевицкая идеология играет роль наносного и поверхностного пласта, а изложение и содержание стоят на высоком уровне.

Владимир Рудинский

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

Когда в конце января следующего года новый выбранный президент США вступит в свою должность, его первой основной задачей будет проведение экономических мер, направленных на достижение своих предвыборных обещаний. Эти обещания в общих чертах заключались в улучшении общего экономического положения. В рамках экономического роста должен снизиться процент безработных и нищенствующих и одновременно должны увеличиться ассигновки на социальную помощь, здравоохранение и народное просвещение. Возможно, что в следующем году снова станет более или менее выступать на поверхность очередная положительная циклическая фаза экономического развития в США, после длившейся около полутора лет отрицательной фазы, сильно повредившей Бушу в предвыборный период. Кроме того, новый демократический президент будет располагать демократическим большинством в Конгрессе. Однако, под всеми подобными ожиданиями и претензиями — и не только в США — кроется типичная для нашего века иллюзия, что государство само по себе может разрешить путем законов и указов все общественные и экономические проблемы.

На самом деле, государство само от себя никому не может дать ничего, оно может лишь дать одним то, что оно до этого отняло у других. Отняло путем налогов, инфляции или экспроприации. Или взяло временно в заем. Государственный аппарат сам по себе ничего не производит, и поэтому ничего и не может никому дать. Кроме, конечно, обороны, суда и некоторых других функций, которые кроме государства в обществе никто не может и не хочет исполнять. Государство США долгие годы тратило гораздо больше, чем могло взывать из населения путем налогов. Например, в бюджетном году окончившемся 30 сентября 1992 года, расходы государственного казначейства США составили 1.380 миллиардов долларов, в то время как его доходы достигли лишь 1.090 миллиардов долларов. Таким образом, дефицит госбюджета в этом году достиг разницы между этими двумя цифрами, т. е. 290 миллиардов долларов, что составляет 21 процент от всех расходов. Значит, на каждые потраченные 100 долларов, государство располагало всего лишь 79 долларами. Правда, оно не печатало этих недостающих 21 доллара, а брало их в кредит на своем финансовом рынке, каковой в действительности является мировым рынком.

В результате, государственный долг США неумолимо растет. Он уже превышает 4 миллиарда долларов, и годовые проценты за этот долг уже занимают первое место в ряду всех бюджетных расходов. Получается, что новыми долгами оплачиваются проценты старых долгов. В наступившем новом бюджетном году (октябрь 1992 — сентябрь 1993) предвидится дефицит еще больший. Правительство Буша считает, что он достигнет 341 миллиарда долларов, а бюджетное бюро конгресса предвидит даже дефицит в 368 миллиардов долларов. То есть, дефицит в первый год новой демократической администрации будет превышать один миллиард долларов в день. Конечно, в таких условиях будет очень трудно увеличивать социальные расходы. Увеличение же налогов может затормозить экономический рост.

П. Н.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

ТРУПОЕДЫ

Нам пишут из Москвы:

В заявлении для прессы писатель Владимир Солоухин сказал, что считает правильным то, что Горбачев «отпустил» Восточную Европу: «это было искусственное образование. Это было насилие. Но он разломал и то, что называлось «единой и неделимой», а это ужасно, чудовищно!»

Писатель добавил: «Сейчас вот идет борьба за четыре крохотных острова на Курилах. Протесты, митинги, крики. Почему же никто не протестовал, когда подарили китайцам Порт Артур, КВЖД — российскую территорию, прорезывающую весь Китай? Почему все промолчали когда дурачок Никита спяну или с похмелья подарил Крым? Крым!!! А когда искусственно проводили на карте границы так называемых союзных республик, почему никто не заметил, как «прирезали» Казахстану город Уральск и всю реку Урал?.. Не буду перечислять все остальные «географические» несообразности. Отвалились полностью Украина, Белоруссия, Бессарабия, вся Средняя Азия — тишина. А вот за четыре камешка у черта на куличках идет борьба. Снявши голову по волосам не плачут». А Киев — мать городов русских. И этот вопрос надо решать не формально, а доброжелательно. А добрососеди наши тоже хороши. Могли бы сказать: «Мы понимаем, что Никита отдал Крым сдуру, спяну. Крым должен принадлежать России, берите его назад, будем жить мирно». Нет, вцепились, пользуясь тем, что Россия на коленях, унижена, растерзана... Трупоеды!»

В. А. Солоухин прокомментировал также тот факт, что И. Р. Шафаревичу было предложено уйти из американской академии за его якобы антисемитизм: «Хваленая демократия показала свое истинное лицо. Он что — стал худшим математиком, чем был? Сахаров был противником советского режима, диссидентом, его даже сослали в Нижний Новгород, но никто не предлагал и не требовал, чтобы он перестал быть академиком. Никто до такой глупости не додумался. Высунулось шильце из мешка хваленой американской демократии, и стало ясно, кто на самом деле стоит во главе Америки, кто там делает погоду».

ИГОРЬ АНДРУШКЕВИЧ

Нам пишут из Москвы:

Международный союз суворовских, нахимовских и кадетских объединений и Московский суворовско-нахимовский клуб издали тиражом в тысячу экземпляров специальную газету «Мы — кадеты». Выпуск посвящен пребыванию в России большой делега-

ции зарубежных кадет.

В частности, газета привела на своей первой странице следующие слова председателя Кадетского Объединения в Аргентине, И. Н. Андрушкевича: «Мы несли свой факел любви к России и верности кадетскому братству всю свою жизнь, несмотря на искусственную отторгнутость от нашей великой родины. Сегодня пришло время передать этот факел новым поколениям — суворовцам, нахимовцам и воспитанникам возрождающихся кадетских корпусов в России. Мы верим, что наша встреча послужит возрождению вековой русской традиции по воспитанию в детях науки мудрости, государственного служения народу. Это возможно лишь в учреждениях, подобных кадетскому корпусу, о котором императрица Екатерина Вторая говорила как о «рассаднике великих людей России»».

В ином месте газета рассказала, что во время кадетской встречи «Дмитрий Исаченко, председатель белорусского клуба пригласил в свое суверенное государство. Мнение зарубежных кадет на этот счет выразил Игорь Андрушкевич: «Вы можете делиться, как хотите, хоть на 30 частей, но мы признаем только одну Россию, единую и неделимую. Мой род, — продолжал он, — пять столетий жил в Вильно, и все мы были русскими».

Другая московская газета — «Голос родины», опубликовав статью посвященную встрече зарубежных кадет с суворовцами и нахимовцами, привела следующие слова — как она его представила — кадета Игоря Андрушкевича, политолога, члена редколлегии «Нашей Страны»: «Всем нам, но особенно молодым людям, надо знать прошлое и настоящее России, светлые и мрачные страницы ее истории, драматические события и уроки последних десятилетий».

Н. Н. ПРОТОПОПОВ

Нам пишут из Санта Розы:

Проживающий в этом калифорнийском городе Терский Атаман в Зарубежье Н. Н. Протопопов в очередном оповещении «Объединения Дивизиона Собственного Его Императорского Величества Конвоя» поделился своими впечатлениями от недавней поездки в Россию. В частности, он рассказал, что в последнюю неделю своего пребывания на родине, в сопровождении начальника РОВСа поручика В. В. Гранитова и кубанского казака П. Величко, посетил Новониколаевск, где в Академгородке выступил с докладом на тему «Белая армия на чужбине».

Н. Н. Протопопов и его спутники присутствовали также при освящении знамени Казачьего Землячества имени Ермака Тимофеевича. «По окончании обряда освящения казаки (все в казачьих формах) и казачата-кадеты выстроились перед Вознесенским собором и священник окропил их святой водой. А затем с крест-

ным ходом, следуя в строю за духовенством и хором, направились на место, где идет строительство разрушенной большевиками часовни в честь святителя Николая Угодника, покровителя города. Там привезенную группой этих казаков землю из Ганиной Ямы (место куда были сброшены тела Царственных Мучеников) есаул В. С. Кашляев положил под фундамент строящейся часовни».

Атаман Землячества полковник А. А. Захаров, поздравил своих казаков с освящением знамени, к которому затем они приложились. После чтения приказа о производствах и наградах, казаки во главе с штабс-капитаном А. А. Журавковым и казачата-кадеты во главе со своим начальником, есаулом Қ. В. Ткаченко, церемониальным маршем прошли мимо знамени и своего атамана.

Суммируя свои впечатления, Н. Н. Протопопов утверждает: «По моим личным наблюдениям процесс духовного возрождения в России неукоснительно продолжается. И наиболее быстро этот процесс проходит у казаков. Почти каждый казак — верующий и большой патриот отечества. И это не может не вселять в нас надежду, что казачество снова займет свое почетное место у престола монарха российского и по-прежнему будет оплотом законной власти и правопорядка в стране».

О МОНАРХИСТАХ ИЗ ДИ-ПИ

Нам пишут из Москвы:

Писатель Владимир Бондаренко опубликовал в журнале «Слово» очередную статью посвященную второй эмиграции под названием «Возвращение невозвращенцев». В ней он, в частности, написал, что литераторам представителям поколения ди-пи «уйти из политики, из истории, оставаться «чистым художником» не удавалось никому. Читатели прекрасной прозы Николая Нарокова, Бориса Филиппова, Леонида Ржевского, поэзии Ивана Елагина и Олега Ильинского, любители живописи Сергея Голлербаха и Адама Русака, я надеюсь, со временем ознакомятся со статьями и очерками, политическими манифестами и историческими раздумьями уважаемых ими художников, публиковавшихся в «Посеве», «Гранях», «Новом Журнале», «Русской Мысли», «Возрождении», «Нашей Стране».

В. Бондаренко подробно останавливается на творчестве покойного сотрудника «Нашей Страны» Б. Н. Ширяева: «Борис Ширяев — один из самых талантливых писателей, — подобно Геннадию Андрееву, тоже редко позволял себе погружаться в чистую художественность, почти целиком посвятив себя публицистике и документальным исследованиям. Тому пример — уже классическая «Неугасимая лампада», повествующая о соловецком лагере, где он побывал еще до Геннадия Андреева. Сошлюсь на

воспоминания Леонида Ржевского: «Был он писателем большой сюжетной выдумки и религиозно-патриотического мироощущения... Написал он также хроникальную серию повестей... Очень яркие были повести». Из Аргентины мне прислали его редчайшие книги «Ди-пи в Италии» и «Я — человек русский». В предисловии к «Ди-пи в Италии» Борис Ширяев пишет: «... «униженные и оскорбленные». Это те, кто попал в лагерь ИРО и эмигрировал под знаком «защиты прав человека»... Калейдоскопичность и бешеный ритм нашего времени (или безвременья — как хотите) требуют от литератора не создания обобщенного «героя эпохи», какого искали наши великие деда, но фиксации тех многоликих и многообразных «человеческих документов», которые густою толпою проходят перед его глазами». Это уже сознательный отказ от присущей ему художественной фантазии во имя долга перед историей, перед собственным народом, к чему десятилетиями спустя придет наш современник Александр Солженицын. Мы потеряли первокласного писателя, но для истории ди-пи, для понимания одной из великих русских трагедий Борис Ширяев оставил нам уникальные документальные произведения. Г. Месняев писал о «Ди-пи в Италии»: «...обобщенный образ «жертвы эпохи» — русского ди-пи. Образ этот типично русский, ибо «там» — жизнь иная, а люди те же».

Упомянул В. Бондаренко и об известном монархическом деятеле Зарубежья, редакторе нью-йоркского журнала «Знамя России»: «Еще один публицист-исследователь второй эмиграции Николай Чухнов в 1967 году издал очерки борьбы «В смятенные годы», пожалуй, одно из наиболее подробнейших и достоверных описаний послевоенной эмигрантской жизни».

Писатель утверждает также, что «в Буэнос Айресе таким историком послевоенной эмиграции, летописцем своего поколения стал Николай Февр, автор вышедшей в 1950 году книги «Солнце восходит на западе», многих статей в русских эмигрантских изданиях, выходящих в Латинской Америке».

В. Бондаренко рассказал читателям «Слова» и о другом монархическом писателе: «История и публицистика занимает заметное место в творчестве Бориса Башилова (Михаила Алексеевича Поморцева), жившего долгие годы в Аргентине. Борис Башилов — постоянный публицист газеты «Наша Страна», автор монументального труда — девятитомной «Истории русского масонства».

ОТКЛИК НА ГАЗЕТУ

Нам пишут из Сан Франциско:

Газета «Русская Жизнь» воспроизвела из «Нашей Страны» статью проживающего в Москве исследователя О. А. Платонова «Правда о Распутине».